

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIIY-AMALIY JURNALI

2026-yil 2-son

VOLUME 6 / ISSUE 2 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.2.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

**MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT
YURIDIK UNIVERSITETI**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta‘lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Mustafayev,
Y. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvaliyeva,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova,
X. Yuldasheva

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnomasi

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2026-yil 24-aprelda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 13,2
Adadi: 100. Buyurtma: № 61.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

TAHRIR HAY’ATI

BOSH MUHARRIR

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquqiy tadqiqotlar oliy maktabi direktori, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS‘UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti sho‘basi mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY’ATI A‘ZOLARI

J. Blum – Amerika Qo‘shma Shtatlarining Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (AQSH)

M. Vishovaty – Polshaning Gdansk universiteti professori (Polsha)

M. Hayat – Muhammadiyah Malang universiteti o‘qituvchisi (Indoneziya)

A. Xashimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti Yoshlar masalalari va ma‘naviy-ma‘rifiy ishlar bo‘yicha birinchi prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

A. Yakubov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro hamkorlik va uzluksiz ta‘lim bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, dotsent

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Qonunchilik palatasi deputati, yuridik fanlar doktori, professor

S. Yusupov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ma‘muriy va moliya huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

E. Egamberdiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Sh. Ismoilov – Toshkent davlat yuridik universiteti Mehnat huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, dotsent

G. Uzakova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ekologiya huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

G. Yo‘ldasheva – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va inson huquqlari sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

A. Yo‘ldoshev – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar doktori

R. Altıyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

S. Oripov – Toshkent davlat agrar universiteti Huquqshunoslik kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

F. Hamdamova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti Xalqaro huquq va ommaviy huquq fanlari kafedrasida dotsenti v.b., yuridik fanlar doktori

D. So‘fiyeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi katta o‘qituvchisi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq, jamiyat va madaniyat sho‘basi dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Мустафаев,
Е. Ярмолик,
Э. Шарипов,
К. Абдувалиева,
М. Шарифова,
Ш. Бекназарова,
Х. Юлдашева

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387.

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
24.04.2026.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 13,2. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 61.

Отпечатано в типографии
Ташкентского государственного
юридического университета.
100047, г. Ташкент,
ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

З. Эсанова – проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – директор Высшей школы правовых исследований Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – заведующий сектором узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по филологическим наукам, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – профессор юридической школы Бостонского колледжа (Бостон, США), доктор юридических наук

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

М. Хаят – преподаватель Университета Мухаммадия Маланг (Индонезия)

А. Хашимхонов – первый проректор по делам молодёжи и духовно-просветительской работе Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

А. Якубов – проректор по международным связям и дополнительному образованию Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

М. Ахмедшаева – профессор сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Х. Хайитов – депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

С. Юсупов – заведующий сектором административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Э. Эгамбердиев – доцент сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Ш. Исмоилов – заведующий сектором трудового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Г. Узакова – профессор сектора экологического права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Г. Юлдашева – профессор сектора международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Юлдошев – доцент сектора конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Р. Алтиев – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

М. Курбанов – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

С. Орипов – доцент кафедры права Ташкентского государственного аграрного университета, доктор философии по юридическим наукам

Ф. Хамдамова – и.о. доцента кафедры международного и публичного права Университета мировой экономики и дипломатии, доктор юридических наук

Д. Суфиева – старший преподаватель сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Р. Кучкаров – доцент сектора права, общества и культуры Ташкентского государственного юридического университета, кандидат филологических наук

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:
O. Choriev

Editors:

E. Mustafaev,
E. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvalieva,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova
Kh. Yuldasheva

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 24.04.2026.

Paper size: A4. Cond.p.f: 13,2.

Units: 100. Order: № 61.

Published in the Printing house of Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Z. Esanova – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Director of the Graduate School of Legal Research of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovaty – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

M. Hayat – Lecturer of the University of Muhammadiyah Malang (Indonesia)

A. Khashimhonov – First Deputy Rector for Youth Affairs and Spiritual and Educational Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

A. Yakubov – Deputy Rector for International Relations and Further Education of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

M. Akhmedshaeva – Professor of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Kh. Khayitov – Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

S. Yusupov – Head of the Department of Administrative and Financial Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

E. Egamberdiev – Associate Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Sh. Ismoilov – Head of the Department of Labor Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

G. Uzakova – Professor of the Department of Environmental Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

G. Yuldasheva – Professor of the Department of International Law and Human Rights of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Yuldoshev – Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

R. Altiev – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

M. Kurbanov – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

S. Oripov – Associate Professor of the Department of Law of Tashkent State Agrarian University, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

F. Hamdamova – Acting Associate Professor of the Department of International Law and Public Law of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law

D. Sufieva – Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

R. Kuchkarov – Associate Professor of the Department of Law, Society and Culture of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences

MUNDARIJA

12.00.01 – DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

8 MUHAMMADJONOV ABRORJON AKMALJON O'G'LI

Davlat hokimiyati tizimida prokuraturaning o'рни va ahamiyati haqida ayrim mulohazalar

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI.
XALQARO XUSUSIY HUQUQ

17 SHAMSHETOV SHARAFDIN SARSENOVICH

Mikrokreditlashni turli huquqiy tizimlarda tartibga solish modellarining qiyosiy tahlili

32 ABROROVA KAMOLA SAIDMUXTOROVNA

O'zbekistonda xalqaro tijorat va investitsiyaviy nizolarning kelajagi: mediatsiya va arbitraj sinergiyasi

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

42 MATVIYENKO IRINA ALEKSANDROVNA, NAIM ALLAHRAKHA

O'zbekistonda ayollarga nisbatan kiberta'qib: amaldagi qonunchilik va islohotlar istiqboli

55 JALILOV RAVSHANJON ABDUKAYUMOVICH, ABDULLAYEV AKMALJON YO'LCHIBOYEVICH

Inson a'zolari va to'qimalarini olish maqsadini jinoyatning og'irlashtiruvchi belgisi sifatida aks ettirish masalalari

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

64 SUROPOV AZAMAT FURQAT O'G'LI

Migrantlar huquqlarini himoya qilishning xalqaro-huquqiy asoslari

76 ABDIYEVA KAMOLA KOMILJONOVNA

O'zbekiston Respublikasidagi raqamli muhitda ayollar huquqlarini himoya qilish xalqaro standartlari implementatsiyasi: xalqaro-huquqiy tahlil va milliy amaliyot

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

87 BEKBO'TAYEVA LOBAR SHOVKAT QIZI

Muqobil vasiylik kontekstida bola huquqlarining mohiyati, tasnifi va funksiyalarining nazariy-huquqiy tahlili

101 SADULLAYEVA SHOXISTA DAVRON QIZI

Axborot kodeksi orqali raqamli texnologiyalar davrida inson huquqlarini himoya qilish: huquqiy va institutsional mexanizmlar tahlili

110 AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH

Buyuk saltanat va umumbashariyat taraqqiyotiga qo'shilgan bebaho tarixiy meros

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

8 МУХАММАДЖОНОВ АБРОРЖОН АКМАЛЖОН УГЛИ

Некоторые соображения о месте и значении прокуратуры в системе государственной власти

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

17 ШАМШЕТОВ ШАРАФАТДИН САРСЕНОВИЧ

Сравнительный анализ моделей правового регулирования микрокредитования в различных правовых системах

32 АБРОРОВА КАМОЛА САИДМУХТОРОВНА

Будущее международных коммерческих и инвестиционных споров в Узбекистане: синергия медиации и арбитража

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

42 МАТВИЕНКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, НАИМ АЛЛАХРАКХА

Киберпреследование женщин в Узбекистане: действующее законодательство и перспективы реформирования

55 ЖАЛИЛОВ РАВШАНЖОН АБДУКАЮМОВИЧ, АБДУЛЛАЕВ АКМАЛЖОН ЮЛЧИБОЕВИЧ

Вопросы отражения цели изъятия органов и тканей человека как отягчающего признака преступления

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

64 СУРОПОВ АЗАМАТ ФУРКАТ УГЛИ

Международно-правовые основы защиты прав мигрантов

76 АБДИЕВА КАМОЛА КОМИЛЖОНОВНА

Имплементация международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде в Республике Узбекистан: международно-правовой анализ и национальная практика

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

87 БЕКБУТАЕВА ЛОБАР ШОВКАТ КИЗИ

Теоретико-правовой анализ сущности, классификации и функций прав ребёнка в контексте альтернативной опеки

101 САДУЛЛАЕВА ШОХИСТА ДАВРОН КИЗИ

Защита прав человека в эпоху цифровых технологий посредством информационного кодекса: анализ правовых и институциональных механизмов

110 АЗИМОВ ХАКИМАЛИ ИМОМОВИЧ

Великая держава и бесценное историческое наследие, внесённое в развитие всего человечества

CONTENTS

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

- 8 **MUHAMMADJONOV ABRORJON AKMALJON UGLI**
Some considerations on the role and significance of the prosecutor's office in the system of state power
-

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 17 **SHAMSHETOV SHARAFATDIN SARSENOVICH**
Comparative analysis of legal regulation models for microcredit in different legal systems
- 32 **ABROROVA KAMOLA SAIDMUKHTOROVNA**
The future of international commercial and investment disputes in Uzbekistan: the synergy of mediation and arbitration
-

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- 42 **MATVIENKO IRINA ALEKSANDROVNA, NAEEM ALLAHRAKHA**
Cyberstalking of women in Uzbekistan: current legislation and prospects for reform
- 55 **JALILOV RAVSHANJON ABDUKAYUMOVICH, ABDULLAEV AKMALJON YULCHIBOEVICH**
Issues of reflection of the purpose of removing human organs and tissues as an aggravating element of the crime
-

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

- 64 **SUROPOV AZAMAT FURQAT UGLI**
International legal foundations for the protection of migrants' rights
- 76 **ABDIYEVA KAMOLA KOMILJONOVNA**
Implementation of international legal standards for the protection of women's rights in the digital environment in the Republic of Uzbekistan: an international legal analysis and national practice
-

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

- 87 **BEKBUTAeva LOBAR SHOvkAT KIZI**
Theoretical and legal analysis of the essence, classification and functions of child's rights in the context of alternative care
- 101 **SADULLAEVA SHOKHISTA DAVRON KIZI**
Protection of human rights in the digital age through the information code: analysis of legal and institutional mechanisms
-

- 110 **AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH**
A great empire and an invaluable historical heritage added to universal human progress

Kelib tushgan / Получено / Received: 19.03.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 13.04.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.04.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.2./CFHS7341>

UDC: 341+342.7(045)(575.1)

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Абдиева Камола Комилжоновна,
самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6660-2086>

e-mail: abdiyevakamola97@gmail.com

Аннотация. В статье проводится международно-правовой анализ реализации стандартов защиты прав женщин в цифровой сфере в Республике Узбекистан. Исследуются универсальные и региональные механизмы, включая положения Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), принципы субстантивного равенства (substantive equality), должной осмотрительности (due diligence) и гендерного мейнстриминга (gender mainstreaming). Особое внимание уделяется трансформации цифровой среды в пространство как реализации, так и нарушения прав женщин, включая такие явления, как кибернасилие и цифровая дискриминация. Анализируется национальное законодательство Узбекистана, его соответствие международным обязательствам, а также выявляются существующие пробелы в механизмах имплементации. В работе обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования и институциональных механизмов с целью обеспечения субстантивного гендерного равенства в условиях цифровизации.

Ключевые слова: права женщин, цифровые права, международные стандарты, имплементация, гендерное равенство, субстантивное равенство, должная осмотрительность, гендерный мейнстриминг

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASIDAGI RAQAMLI MUHITDA AYOLLAR HUQUQLARINI HIMOYA QILISH XALQARO STANDARTLARI IMPLEMENTATSIYASI: XALQARO-HUQUQIY TAHLIL VA MILLIY AMALIYOT

Abdiyeva Kamola Komiljonovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi

Аннотация. Мақоллада О'zbekiston Respublikasida raqamli muhitda ayollar huquqlarini himoya qilish standartlarini amalga oshirishning xalqaro-huquqiy tahlili o'rganilgan. Tadqiqot davomida universal va mintaqaviy mexanizmlar, jumladan, Ayollarni kamsitishning barcha shakllariga barham

berish to'g'risidagi konvensiya (CEDAW) qoidalari, substantiv tenglik (substantive equality), lozim darajadagi ehtiyotkorlik (due diligence) va gender meynstriming (gender mainstreaming) tamoyillari o'rganilgan. Raqamli muhitning ayollar huquqlarini ham amalga oshirish, ham buzish maydoniga (jumladan, kiberzo'raonlik va raqamli kamsitish kabi hodisalar orqali) aylanib borayotganiga alohida e'tibor qaratilgan. O'zbekiston milliy qonunchiligining xalqaro majburiyatlarga muvofiqligi tahlil qilinib, implementatsiya mexanizmlaridagi mavjud bo'shliqlar aniqlangan. Tadqiqot natijasida raqamlashtirish sharoitida substantiv gender tengligini ta'minlash maqsadida huquqiy tartibga solish va institutsional mexanizmlarni takomillashtirish zarurligi asoslab berilgan.

Kalit so'zlar: ayollar huquqlari, raqamli huquqlar, xalqaro standartlar, implementatsiya, gender tengligi, substantiv tenglik, lozim darajadagi ehtiyotkorlik, gender meynstriming

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR THE PROTECTION OF WOMEN'S RIGHTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: AN INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS AND NATIONAL PRACTICE

Abdiyeva Kamola Komiljonovna,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. The article provides an international legal analysis of the implementation of standards for protecting women's rights in the digital sphere in the Republic of Uzbekistan. Universal and regional mechanisms are examined, including the provisions of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW), substantive equality, due diligence, and gender mainstreaming. Special attention is paid to transforming the digital environment into a space for both the realization and violation of women's rights, including phenomena such as cyberviolence and digital discrimination. It analyzes Uzbekistan's national legislation and its compliance with international obligations and identifies existing gaps in implementation mechanisms. The work substantiates the necessity of improving legal regulation and institutional mechanisms to ensure substantive gender equality in the context of digitalization.

Keywords: women's rights, digital rights, international standards, implementation, gender equality, substantive equality, due diligence, gender mainstreaming

Введение

Цифровая трансформация общественных отношений в XXI веке существенно изменила механизмы реализации и защиты прав человека. Цифровая среда стала не только пространством расширения доступа к образованию, труду, государственным услугам и участию в общественной жизни, но и новой сферой возникновения рисков дискриминации, насилия и иных нарушений прав уязвимых групп. В этом контексте особую актуальность приобретает защита прав женщин, поскольку цифровое пространство одновременно создаёт дополнительные возможности для их социальной и экономической самореализации и порождает новые формы гендерно-обусловленных

угроз, включая онлайн-насилие, цифровую дискриминацию и цифровой гендерный разрыв.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки эффективности имплементации международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде в правовую систему Республики Узбекистан. Несмотря на осуществляемые реформы в сфере гендерного равенства и цифровизации, развитие национального законодательства происходит в условиях усложнения международных обязательств государства, вытекающих из международных договоров Организации Объединённых Наций и современных международно-правовых подходов к обеспечению цифровых прав.

Научная разработанность темы свидетельствует о наличии значительного числа исследований, посвящённых международно-правовым стандартам защиты прав женщин и вопросам гендерного равенства. Существенный вклад в развитие концепций *substantive equality* и *due diligence* внесли зарубежные исследователи, включая S. Fredman (2011, 2016), Fredman и Goldblatt (2015). В национальной доктрине данные вопросы анализировались, в частности, А. Saidov (2002, 2004, 2008). Однако существующие исследования, как правило, рассматривают либо традиционные механизмы защиты прав женщин, либо общие аспекты цифровизации, без комплексного анализа их взаимосвязи.

Научный пробел заключается в отсутствии системного международно-правового исследования, посвящённого адаптации универсальных стандартов защиты прав женщин к условиям цифровой среды применительно к правовой системе Республики Узбекистан. Недостаточно изучены вопросы трансформации позитивных обязательств государства в цифровом пространстве, предупреждения онлайн-насилия и обеспечения равного цифрового доступа женщин.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере международно-правового и национального регулирования защиты прав женщин в цифровой среде. Предмет исследования составляют международно-правовые нормы и стандарты защиты прав женщин, а также национальное законодательство Республики Узбекистан в области гендерного равенства, цифровых прав и защиты от насилия.

Цель исследования состоит в комплексном международно-правовом анализе механизмов имплементации международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде в Республике Узбекистан,

выявлении существующих правовых и институциональных пробелов и разработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Ключевой исследовательский вопрос заключается в определении того, в какой мере действующая правовая и институциональная система Узбекистана обеспечивает эффективную реализацию международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде и какие механизмы требуют адаптации с учётом современных цифровых рисков.

Для достижения поставленной цели предполагается: 1) исследовать содержание международных обязательств государств в цифровой сфере; 2) проанализировать развитие международных стандартов предупреждения цифрового насилия и дискриминации; 3) оценить соответствие законодательства Узбекистана международным стандартам; 4) выявить пробелы в механизмах реализации; 5) сформулировать предложения по совершенствованию национальной модели имплементации. *Научная новизна* исследования состоит в обосновании необходимости интеграции цифрового гендерного измерения в механизмы реализации принципов субстантивного равенства (*substantive equality*), должной осмотрительности (*due diligence*) и гендерного мейнстриминга (*gender mainstreaming*) на национальном уровне.

Ожидаемые результаты исследования заключаются в выявлении степени соответствия национального законодательства международным обязательствам, определении институциональных дефицитов в сфере цифровой защиты прав женщин и выработке практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования.

Методологическую основу составляют международно-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический

и системный методы, позволяющие комплексно оценить взаимосвязь между международными стандартами, национальными нормами и цифровыми рисками.

Основная часть

Цифровая среда в XXI веке превратилась в неотъемлемое пространство реализации, защиты и нарушения прав человека, включая права женщин. Как отмечается в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 75/161 «Женщины и девочки и права человека в цифровую эпоху» (United Nations General Assembly, 2020), развитие технологий изменило социальные, экономические и политические формы участия женщин, открыв новые возможности для их самореализации, трудоустройства, образования и политической активности. Интернет стал пространством, в котором женщины могут реализовывать право на свободу выражения мнения, доступ к информации, участие в общественной жизни, а также права на труд и образование в цифровой форме. Согласно данным UN Women (2023), более 60 % женщин в мире используют Интернет как основной инструмент экономического и образовательного развития.

Вместе с тем цифровая трансформация породила и новые угрозы для прав женщин, совершаемые на основе гендерной вражды с использованием цифрового пространства. Эти формы нарушений получили международное признание как часть «континуума насилия» (CEDAW Committee, 2017), что требует от государств применения принципа должной осмотрительности (*due diligence*) и в онлайн-пространстве. Таким образом, цифровая среда становится продолжением физического пространства реализации прав человека, где традиционные гарантии – защита достоинства, равенство и неприкосновенность частной жизни – должны быть адаптированы к новым технологическим реалиям.

Следовательно, цифровая среда – это новая платформа для реализации и гарантирования прав женщин, где возможности и риски сосуществуют, требуя от государств комплексного подхода: правового регулирования, образования в области цифровой грамотности и включения гендерного анализа в политику кибербезопасности.

Конституционно-правовая модель Республики Узбекистан формирует базовую нормативную основу для обеспечения гендерного равенства и защиты прав женщин, включая их права в цифровой среде. Действующая Конституция закрепляет принцип равенства и недискриминации как фундаментальные начала правового статуса личности, что соответствует международным обязательствам государства, вытекающим из Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women*), Международного пакта о гражданских и политических правах (*International Covenant on Civil and Political Rights*) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (*International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights*). Конституционное закрепление равноправия женщин и мужчин имеет не только формально-юридическое значение, но и предполагает позитивную обязанность государства устранять фактические барьеры, препятствующие реализации прав женщин в условиях цифровизации.

С позиций международного публичного права конституционные гарантии следует рассматривать как основу для реализации принципов субстантивного равенства, должной осмотрительности и гендерного мейнстриминга. В отличие от традиционного подхода, ограничивающегося запретом дискриминации де-юре, современные международные стандарты

требуют от государств принятия активных мер по предупреждению дискриминации де-факто, включая устранение структурного цифрового неравенства. В этом аспекте конституционная модель Узбекистана содержит необходимый нормативный потенциал для включения цифрового гендерного измерения в государственную политику, однако данный потенциал пока реализован лишь частично.

Национальное законодательство, включая Закон Республики Узбекистан «О гарантиях равных прав и возможностей женщин и мужчин» (Republic of Uzbekistan, 2019) и Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» (Republic of Uzbekistan, 2019), создало важную институциональную основу для развития гендерной политики. Вместе с тем проведённый анализ показывает, что действующая модель имплементации международных стандартов остаётся преимущественно ориентированной на традиционные формы дискриминации и насилия и не учитывает в полной мере специфику цифровой среды. В законодательстве отсутствуют легальные дефиниции цифрового насилия, онлайн-дискриминации, цифрового гендерного разрыва, а также специальные процессуальные механизмы фиксации, расследования и пресечения нарушений прав женщин в цифровом пространстве.

Существенным институциональным пробелом остаётся отсутствие механизма гендерно-ориентированного бюджетирования (*gender-responsive budgeting*), который в международной практике рассматривается как обязательный инструмент обеспечения фактического равенства. Гендерно-ориентированное бюджетирование позволяет оценивать влияние государственных расходов на положение женщин и мужчин, обеспечивать адресное финансирование мер по устранению структурного неравенства и интегрировать гендерный анализ в процессы

цифровых реформ. В Узбекистане данный инструмент пока не получил институционального закрепления, что ограничивает эффективность государственной политики в сфере цифрового равенства.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что зарубежные государства выработали более развитые механизмы адаптации международных стандартов к цифровой среде. Так, Швеция реализует модель интегрированного гендерного мейнстриминга, в рамках которой гендерная экспертиза является обязательной частью цифровых государственных программ. Это позволяет учитывать влияние цифровизации на доступ женщин к рынку труда, образованию и государственным услугам. Практика Канады демонстрирует эффективность института гендерного анализа с учётом дополнительных факторов (*Gender-based Analysis Plus, GBA+*), предусматривающего обязательную оценку последствий нормативных решений и бюджетных мер с точки зрения их гендерного воздействия, включая цифровую сферу.

Особый интерес представляет опыт Эстонии, где цифровизация государственного управления сопровождается институциональными гарантиями недискриминационного доступа к электронным услугам и системным мониторингом цифровой инклюзии уязвимых групп. В рамках подходов Совета Европы защита женщин от онлайн-насилия рассматривается как составная часть позитивной обязанности государства по предупреждению гендерно-обусловленного насилия, а цифровое пространство признаётся самостоятельной сферой правовой защиты. Сопоставление указанных моделей с национальной практикой Узбекистана позволяет сделать вывод о наличии трёх ключевых проблем имплементации. Во-первых, отсутствует нормативное признание цифровых форм дискриминации

как самостоятельного объекта правовой защиты. Во-вторых, не сформированы специальные административные и процессуальные процедуры реагирования на онлайн-насилие. В-третьих, отсутствует институциональный механизм мониторинга цифрового гендерного равенства.

С учётом международных обязательств и зарубежного опыта представляется целесообразным предложить следующие направления совершенствования национального законодательства и практики его реализации.

Во-первых, необходимо внести изменения в профильное законодательство с целью закрепления легальных дефиниций «цифровое насилие», «онлайн-дискриминация», «цифровой гендерный разрыв», что позволит обеспечить правовую определённость и создать основу для правоприменения.

Во-вторых, требуется институционализация механизма гендерно-ориентированного бюджетирования (*gender-responsive budgeting*) в рамках бюджетного процесса, включая обязательную гендерную экспертизу программ цифровизации, электронного правительства и цифрового образования.

В-третьих, следует создать специальные процедуры выявления, фиксации и расследования случаев онлайн-насилия в отношении женщин с участием правоохранительных органов, платформ цифровой коммуникации и уполномоченных органов по правам человека.

В-четвёртых, необходимо ввести обязательную гендерную экспертизу государственных цифровых программ и стратегий, включая оценку их влияния на доступ женщин к технологиям, цифровым навыкам и онлайн-услугам.

В-пятых, целесообразно сформировать систему институционального мониторинга цифрового равенства, включающую сбор статистики, оценку цифрового

гендерного разрыва и регулярную отчётность уполномоченных органов.

Таким образом, эффективная имплементация международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде требует перехода от формального признания равенства к комплексной модели правового регулирования, основанной на принципах превентивной защиты (*preventive protection*), субстантивного равенства (*substantive equality*) и технологически адаптированной должной осмотрительности (*due diligence*). Только при условии институциональной адаптации национального законодательства к цифровым вызовам возможно обеспечение реальной и эффективной защиты прав женщин в Республике Узбекистан.

Так, А. Saidov (2004) рассматривает принцип гендерного равенства как составную часть системы конституционных прав и свобод человека. По мнению исследователя, государство обязано создавать необходимые правовые, организационные и социальные условия для реализации равных прав и возможностей женщин и мужчин. Достижение фактического равенства, по его мнению, предполагает применение комплекса взаимосвязанных мер законодательного, институционального и образовательного характера, направленных на преодоление социально обусловленных барьеров, а также предотвращение дискриминационных практик в различных сферах общественной жизни.

Следует отметить, что подобный подход в значительной степени корреспондирует с современными теоретическими разработками зарубежной правовой доктрины. В частности, S. Fredman (2011) в работе *Discrimination Law* подчёркивает, что принцип равенства в конституционном праве не может ограничиваться лишь формальным признанием равенства перед законом, а должен быть направлен на устранение структурных и системных

форм дискриминации. Развивая данную идею, исследователь выделяет четыре взаимосвязанных измерения равенства: 1) устранение дискриминации, 2) признание различий, 3) поощрение участия и 4) перераспределение ресурсов. Реализация этих элементов предполагает активную роль государства в формировании политики, направленной на обеспечение реального равенства возможностей для женщин и мужчин.

Таким образом, сопоставление национальной и зарубежной научной доктрины позволяет сделать вывод о постепенном сближении теоретических подходов к пониманию гендерного равенства. Несмотря на различия в акцентах – между институционально-гарантийной ролью государства и концепцией субстантивного равенства – обе доктринальные традиции сходятся в признании того, что достижение реального равенства требует не только формального закрепления прав, но и проведения комплексной государственной политики, направленной на устранение структурных факторов дискриминации.

С. Clayton (2010) в монографии “Equality and Human Rights in Constitutional Systems” приходит к выводу, что конституционные гарантии равенства должны рассматриваться как механизм достижения субстантивного равенства, где государство несёт позитивную обязанность создавать условия для равного участия женщин в общественной и политической жизни. Она подчёркивает, что в условиях цифровизации государства обязаны расширять этот принцип на сферу информационно-коммуникационных технологий.

Безусловно, вышеперечисленные исследователи обоснованно указывают на то, что формальное закрепление равенства женщин и мужчин само по себе не гарантирует устранения структурных барьеров и фактической дискриминации. Однако утверждение о том, что

формальное равенство без эффективных механизмов имплементации лишь «создаёт иллюзию защиты», представляется несколько категоричным и не в полной мере учитывает нормативную функцию конституционных принципов.

С точки зрения теории международного права, формальное равенство выполняет фундаментальную нормативную и институциональную роль. Во-первых, конституционное закрепление принципа равенства формирует обязательную правовую рамку для всей системы национального законодательства и государственной политики. Во-вторых, оно служит юридическим основанием для судебной защиты, позволяя лицам оспаривать дискриминационные нормы и практики. В этом смысле формальное равенство не является иллюзорным, а выступает первичным нормативным условием последующего развития механизмов субстантивного равенства.

Принятие Закона Республики Узбекистан «О гарантиях равных прав и возможностей женщин и мужчин» (Republic of Uzbekistan, 2019) стало важной частью реформ по гендерной политике в Узбекистане и представляет собой первую попытку комплексно кодифицировать принцип гендерного равенства в национальном праве. Закон закрепил основные понятия, цели, механизмы и ответственность органов власти в сфере обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин, став нормативной опорой для реализации государственной гендерной стратегии до 2030 года. Так, в соответствии со статьёй 3, закон определяет:

гендер – как социально обусловленное различие ролей, поведения и характеристик женщин и мужчин;

гендерное равенство – как равные права, возможности и доступ женщин и мужчин к политической, экономической, социальной и культурной жизни;

дискриминацию по признаку пола – как любое различие, исключение или ограничение, направленное на ущемление прав и свобод по признаку пола.

Данные определения являются шагом вперёд по сравнению с прежним законодательством, где термины «гендер» и «дискриминация» отсутствовали вовсе. В научной литературе отмечается, что действующее законодательство преимущественно закрепляет формальное равенство, тогда как механизмы обеспечения фактического равенства остаются недостаточно развитыми.

Закон устанавливает следующие инструменты:

введение гендерно-чувствительного подхода в государственное управление, включая кадровую политику, образование, здравоохранение и занятость;

создание Комиссии по обеспечению гендерного равенства при Олий Мажлисе, уполномоченной координировать и контролировать исполнение законодательства;

обязанность государственных органов учитывать гендерные аспекты при разработке нормативных актов (статья 10).

Эти положения соответствуют принципу гендерного мейнстриминга, закреплённому в Рекомендации ЭКОСОС 1997/2 (ECOSOC, 1997) и Пекинской платформе действий – *Beijing Platform for Action* (United Nations, 1995). Однако их реализация остаётся преимущественно декларативной. Как отмечает З.Х. Искандарова, институциональные механизмы пока не функционируют в полной мере, поскольку их полномочия и ответственность недостаточно чётко определены.

Согласно статьям 2 и 3 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), государства обязаны обеспечивать равенство не только формально, но и фактически, принимая специальные меры (*affirmative action*)

для устранения структурных барьеров. В рассматриваемом законе такие меры обозначены лишь в общей форме: статья 11 предусматривает, что государство «создаёт условия для реализации равных прав», однако не содержит конкретизации временных специальных мер, как это предусмотрено в Общей рекомендации № 25 Комитета CEDAW (CEDAW Committee, 2004).

Кроме того, действующее законодательство Республики Узбекистан не предусматривает полноценного институционального механизма гендерно-ориентированного бюджетирования. В результате национальная система обеспечения гендерного равенства пока не обладает достаточным набором инструментов для комплексной оценки фактического воздействия государственных программ и бюджетных решений на положение женщин и мужчин.

Заключение

Таким образом, в Узбекистане не существует полноценной правовой и институциональной системы гендерного бюджетирования. Несмотря на наличие пилотных инициатив и подзаконных актов, данный инструмент пока не выполняет своей функции по оценке фактического гендерного воздействия государственной политики, что ограничивает способность государства реализовывать принципы субстантивного равенства (*substantive equality*) и гендерного мейнстриминга (*gender mainstreaming*) в соответствии с международными стандартами CEDAW и Совета Европы.

Закон не учитывает современные аспекты цифровизации, которые непосредственно влияют на реализацию равных возможностей. В нём отсутствуют положения, касающиеся: цифрового гендерного разрыва (*digital gender divide*) – различий между мужчинами и женщинами в доступе к Интернету, цифровым на-

выкам и занятости в сфере ИКТ; защиты женщин от онлайн-насилия и цифровой дискриминации; обеспечения равного участия женщин в цифровой экономике; государственных мер по сокращению гендерного разрыва в сфере цифровых технологий.

Закон был принят в 2019 году, когда вопросы онлайн-насилия, цифровых прав и гендерных аспектов цифровизации ещё не получили достаточного отражения в национальной нормативной базе. Между тем международные документы, включая Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 75/161 и стратегию UN Women *Generation Equality in the Digital Age* (2022), прямо указывают, что достижение гендерного равенства невозможно без устранения цифрового неравенства.

В настоящее время в законодательстве Республики Узбекистан отсутствуют: определения понятий «цифровое гендерное неравенство», «цифровые права женщин», «онлайн-дискриминация»; нормы, прямо обязывающие государственные органы учитывать гендерный аспект при цифровизации экономики, образования и государственных услуг.

Ни Закон «О гарантиях равных прав и возможностей женщин и мужчин», ни Закон «О защите женщин от притеснений и насилия», ни Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» не содержат прямых упоминаний гендерного измерения цифровизации. В отличие от общих рекомендаций CEDAW № 37 и Резолюции ГА ООН 75/161, национальная нормативная база пока не признаёт цифровое неравенство частью системы дискриминации по признаку пола.

Принятие Закона Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснений и насилия» стало важным этапом институционализации государственной политики в сфере защиты прав женщин. Закон

впервые сформировал самостоятельную правовую основу предупреждения и пресечения насилия в отношении женщин, закрепив базовые юридические категории, меры профилактики и механизмы защиты. В этом аспекте его принятие соответствует общему направлению международных обязательств Республики Узбекистан, вытекающих из Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women*), а также рекомендаций Комитета CEDAW относительно позитивных обязанностей государства по предупреждению гендерно-обусловленного насилия.

Вместе с тем проведённый анализ показывает, что, несмотря на прогрессивный характер закона, его нормативная конструкция сохраняет преимущественно реактивный и декларативный характер и не в полной мере отвечает современным международным стандартам, особенно в условиях цифровизации. Закон закрепляет понятия «притеснение» и «насилие», однако не связывает насилие с категорией *gender-based violence*, то есть с насилием, обусловленным полом и структурным неравенством. Отсутствие такого подхода ограничивает правовую квалификацию насилия рамками индивидуального правонарушения и не позволяет рассматривать его как проявление системной дискриминации.

Существенным пробелом является отсутствие в законодательстве правового признания цифровых форм насилия в отношении женщин. Действующая редакция закона не охватывает такие формы нарушений, как онлайн-преследование, кибербуллинг, цифровой контроль, распространение интимных материалов без согласия, доксинг и иные формы технологически опосредованного насилия. Между тем международные стандарты, включая

Общую рекомендацию № 35 Комитета CEDAW, исходя из того, что государство обязано осуществлять должную осмотрительность (*due diligence*) в отношении всех форм гендерно-обусловленного насилия независимо от среды его совершения, включая цифровое пространство.

Проблемой остаётся и недостаточная цифровая адаптация правоприменительных механизмов. Национальное законодательство не предусматривает специальных процедур цифровой фиксации доказательств, оперативного удаления противоправного контента, межведомственного реагирования на случаи онлайн-насилия, а также алгоритмов взаимодействия между правоохранительными органами, судами и цифровыми платформами. В результате правовая защита женщин в цифровой среде носит фрагментарный характер и не обеспечивает эффективной превенции нарушений.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие итоговые выводы:

Во-первых, международные стандарты защиты прав женщин требуют от государства перехода от формального признания равенства к модели субстантивного равенства (*substantive equality*), предполагающей устранение структурных причин дискриминации, в том числе в цифровой среде.

Во-вторых, действующая нормативная база Республики Узбекистан содержит важные институциональные основы защиты прав женщин, однако недостаточно учитывает цифровое измерение гендерного насилия и цифрового неравенства.

В-третьих, отсутствие легальных дефиниций цифрового насилия, онлайн-дис-

криминации и цифрового гендерного разрыва ограничивает возможности эффективного правоприменения.

В-четвёртых, отсутствие гендерно-ориентированного бюджетирования (*gender-responsive budgeting*) и гендерной экспертизы цифровых программ снижает эффективность государственной политики в сфере цифрового равенства.

В-пятых, действующие механизмы защиты нуждаются в усилении с точки зрения превентивной защиты (*preventive protection*), раннего реагирования и институционального мониторинга.

С учётом результатов исследования представляется целесообразным: внести изменения в Закон № ЗРУ-561, закрепив понятия цифрового насилия, онлайн-преследования, кибербуллинга и распространения интимных материалов без согласия; предусмотреть специальные процедуры цифровой фиксации доказательств; создать межведомственный механизм оперативного реагирования на случаи онлайн-насилия; внедрить цифровые кризисные центры поддержки пострадавших; институционализировать обязательный мониторинг цифрового гендерного равенства.

Таким образом, эффективная имплементация международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде в Республике Узбекистан требует системного обновления законодательства, институциональной адаптации правоприменения и перехода от декларативной модели защиты к комплексной превентивной системе, основанной на принципах должной осмотрительности, гендерного мейнстриминга и технологически адаптированного правового регулирования.

REFERENCES

1. CEDAW Committee. (2004). *General recommendation No. 25: On article 4, paragraph 1, of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, on temporary special measures*. United Nations. <https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/General%20recommendation%2025.pdf>
2. CEDAW Committee. (2017). *General recommendation No. 35 on gender-based violence against women, updating general recommendation No. 19*. United Nations. <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-35>
3. CEDAW Committee. (2018). *General recommendation No. 37 on gender-related dimensions of disaster risk reduction in the context of climate change*. United Nations. <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-37>
4. Clayton, C. H. (2010). *Equality and human rights in constitutional systems*. Oxford University Press.
5. Council of Europe. (2011, May 11). *Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence*. <https://www.coe.int>
6. ECOSOC. (1997). *Agreed conclusions 1997/2*. United Nations. <https://www.un.org>
7. Fredman, S. (2011). *Discrimination law (2nd ed.)*. Oxford University Press.
8. Fredman, S. (2016). Substantive equality revisited. *International Journal of Constitutional Law*, 14(3), 712–738. <https://doi.org/10.1093/icon/mow043>
9. Fredman, S., & Goldblatt, B. (2015). *Gender equality and human rights*. UN Women.
10. Republic of Uzbekistan. (2019, September 2). *On guarantees with respect to equal rights and opportunities for women and men (Law No. LRU-562)*. Lex.uz. <https://lex.uz/docs/4494873>
11. Saidov, A. Kh. (2002). *International human rights law*. Tashkent State Institute of Law.
12. Saidov, A. Kh. (2004). *Universal declaration of human rights and Uzbekistan*. National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan.
13. Saidov, A. Kh. (Ed.). (2008). *International human rights documents*. National Center for Human Rights.
14. UN Women. (2022). *Generation equality in the digital age*. <https://www.unwomen.org>
15. UN Women. (2023). *Progress on the Sustainable Development Goals: The gender snapshot 2023*. <https://www.unwomen.org>
16. United Nations General Assembly. (2020, December 16). *Women and girls and human rights in the digital age (A/RES/75/161)*. United Nations. <https://undocs.org/en/A/RES/75/161>
17. United Nations. (1966a). *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights*. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights>
18. United Nations. (1966b). *International Covenant on Civil and Political Rights*. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>
19. United Nations. (1979). *Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women*. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women>
20. United Nations. (1995). *Beijing Declaration and Platform for Action*. <https://www.un.org>
21. World Bank. (2021). *Women, Business and the Law 2021*. <https://www.worldbank.org>

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2026-YIL 2-SON

VOLUME 6 / ISSUE 2 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.2.